

Предлагаемая статья написана человеком, лишенным зрения с трех и слуха с семи лет. История жизни, самоутверждения и борьбы Александра Суворова известна миллионам телезрителей по фильму «Прикосновение», автор сценария которого он сам. Ранее «Учительская газета» публиковала его материалы «Наш Олег Валентинович» (10 февраля 1985 г.) и «Кого воспитывать?» (19 августа 1987 г.). Верный памяти своих учителей и наставников Александра Ивановича Мещерякова и Эвальда Васильевича Ильенкова, он отдает свои знания психолога на то, чтобы детям, лишенным зрения и слуха, стали доступны достижения человеческой мысли, а острое перо публициста — бескомпромиссной борьбе со страшным общественным недугом — нравственной слепоглухотой.

Суворов А.

Вызываю на спор

ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО

психологии» направлен не только и не столько против творческого наследия ученых-гуманистов, сколько на то, чтобы воспрепятствовать полноценной социальной реабилитации людей, лишенных с детства красок и голосов окружающего мира, стремится свести их жизненные интересы к автоматизму выполнения простейших трудовых операций. Активное участие в этом походе одного из четверки — С. Сироткина.

Не что иное, как явная клевета — обвинение Э. Ильенкова и других ученых в погоне за сенсациями. Они подчеркивали «общетеоретическое и методологическое значение» достигнутого ими. Это вовсе не «эксперимент по обучению четырех слепоглухих» (как утверждают С. Сироткин и Э. Шакинова). Четверка и ее обучение в МГУ была лишь поводом для привлечения внимания общественности к опыту работы И. Соколянского и А. Мещерякова, посмертно удостоенных Государственной премии СССР.

Успех работы этих ученых подтверждают не только отдельные «высокоразвитые» слепоглухие, но прежде всего тот

факт, что вообще хоть чему-то да удается научить детей, обреченных вроде бы на полуживотное, сколько на то, чтобы существование с таким существованием — возможность работать на производстве, не сидеть на шею ни у родных, ни у государства — тоже успех.

НИКТО никогда не возражал против того, чтобы участие в общественном производстве входило в жизненную перспективу любого человека. Но если вы больше ничего не знаете и не умеете, кроме простейших производственных операций, вы — робот, «частичная деталь частичной машины» (по выражению Маркса), — самая дешевая и легче всего заменяемая при дефиците запчастей единственно не дефицитная деталь, — а не человек, не личность. И зрячещышащие не все идут в вузы, большинство — на производство; но идут туда личности, члены общества, члены одновременно нескольких формальных или неформальных коллективов, а не роботы. Для личности производство — одна из многих сторон ее общественной деятельности, для робота — вся жизнедеятельность.

Слепые рабочие делают то же самое, что слепоглухие. Но у слепых есть еще разнообразное любительское творчество, по уровню подчас не уступающее профессиональному. Книжки, концерты, собственное творчество: полнокровное, содержательное общение в семье, на работе.

И. Соколянский и А. Мещеряков подходили к проблемам слепоглухонемых детей с педагогических, а не с медицинских позиций. Для педагога же имеет значение не то, есть или нет остатки зрения и слуха и полностью ли отсутствует устная речь. Важна не только клиническая картина дефектов, сколько то, сможет ли ребенок с данным сочетанием дефектов учиться где-либо, кроме школы для слепоглухонемых. Именно этот критерий и положил в основу отбора А. Мещеряков: обучению в школе для слепоглухонемых подлежат дети с таким поражением зрения и слуха, которое значительно затрудняет или вообще исключает обучение в какой-либо другой школе. Что касается умственной отсталости, в ряде случаев дополняющей слепоглухоту, то ее наличие нельзя установить без длитель-

ного (хотя бы в течение года) пробного обучения. При условии, добавляю я в последнее время, что в основе такого обучения лежит не умственно отсталая педагогика дрессировщиков роботов. Ведь ясно, что для этой «педагогике» все вообще дети — умственно отсталые.

Сироткин, Шакинова и вслед за ними А. Кондратов попросту клеветают, что педагогика И. Соколянского и А. Мещерякова «по существу ориентирована на феномены полной, тотальной слепоглухонемоты от рождения или с очень раннего детства». Нет, ориентирована эта педагогика на социальные последствия какой бы то ни было слепоглухоты, полной или частичной, врожденной или поздней. К числу их И. Соколянский и А. Мещеряков относили и нарушения либо полное отсутствие устной речи. С точки зрения полноценности контакта с человеческим миром утрата внятности произношения из-за глухоты, сколь угодно поздней, — огромная беда, равносильная полной немоте. Ведь если тебя совсем не понимают, что толку, что устная речь разрушена не совсем.

ЛИЧНОСТЬ — это член коллектива. Вне коллектива она не может не деградировать, не распадаться, что бы ни вышло ее из коллектива — слепоглухота или что другое.

Здесь и только здесь — суть проблемы. Задача любого инвалида с детства — встать в строй вопреки инвалидности, стать личностью. Задача любого человека, ставшего инвалидом в зрелом возрасте, — вернуться в строй, вопреки инвалидности, остаться личностью. Если задачу эту решить не удастся, личность либо вообще не возникает, либо распадается, деградирует. Третьего тут просто не дано — его быть не может, оно абсурдно. Поэтому И. Соколянский, А. Мещеряков, Э. Ильенков и другие были абсолютно правы, говоря о возможности деградации не только при ранней (врожденной или наступившей в первые 3—4 года жизни), но и при поздней слепоглухоте.

Старания посеять сомнения не только в научной правоте, но даже в элементарной добросовестности этих ученых скрывают истинную цель их «критиков»: протащить тезис о достаточности самой убогой перспективы развития слепоглухонемых детей о ненужности инвалидам настоящей человеческой полноценности. Утверждению И. Соколянского, что грамматический строй словесной речи является единственным средством развития логического мышления ребенка, С. Сироткин с Э. Шакиновой противопоставляют вывод о воз-

можности обойтись одними жестами «в пределах, разумеется, чувственного восприятия и системы самосознания слепоглухих». Это вполне проясняет дело: «пределы»-то узкие — по существу ограничиваются бытом. Чтобы расширить их, без словесно-логического развития не обойтись. Если же перевести всю наукообразную тарбарщину С. Сироткина и Э. Шакинова на живой русский язык, то получается вот что. Достаточен любой, даже самый низкий наличный уровень развития. «Жестовики» хороши как есть, ибо нельзя же воспитываться и обучаться до бесконечности. — они и так «полноценны».

Разумеется, никто не собирается отожествлять словесное развитие с общим развитием личности (неважно, слепоглухого или зрячещышащего). Выдумка об этом «отождествлении» целиком на совести С. Сироткина и Э. Шакиновой. Ясно, что само по себе словесно-речевое развитие ни в коем случае не гарантирует личностной полноценности. Можно быть нравственным уродом с хорошо подвешенным языком. Словесная речь — лишь одна из необходимых предпосылок нормального человеческого развития, а не гарант его. Не более или не менее, чем предпосылка, без которой нельзя стать полноценной личностью, и при наличии этой предпосылки личность может не состояться.

Александр СУВОРОВ,
Москва.

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

28

129 ДЕКА 1988